

ЛИНА МУР

ЛИНА — *индукция* — МУР *страсти*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Оформление — *Екатерина Петрова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Мур, Лина.

М91 Индукция страсти : [роман] / Лина Мур. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 512 с. — (Неправильная
любовь).

ISBN 978-5-17-113370-2

Эйс Рассел, секретный агент правительства Великобритании, замкнут и нелюдим. Он не испытывает радости, не имеет возвышенных грез и не строит планов создания семьи. В этом мире его вообще мало что волнует, кроме заданий, которые ему поручают. Через два года Эйс возвращается в отчий дом и узнает о разводе родителей. Причина — новое увлечение отца.

Бланш Фокс, умная, властная красотка, завладела не только кошельком отца, но и его волей. Она становится для Эйса врагом номер один и новым заданием. С его опытом и навыками сделать так, чтобы эта женщина исчезла из жизни его семьи, казалось проще простого. Однако Эйс не учел такой мелочи, как страсть. Страсть, которую нельзя отследить или просчитать. Страсть, которая не поддается логике. Страсть, которая захватила власть над разумом и проникла, словно яд, под кожу.

Сможет ли Эйс Рассел противостоять обстоятельствам и бороться с самим собой или смиренно склонит голову перед обольстительной красавицей?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113370-2

© Л. Мур, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Лондон. Что может привлекать в этом дождливом мрачном городе, наполненном эмигрантами и беженцами? Скорее всего, возможность потеряться. Навсегда. Потерять все, что имел или мог бы иметь, превратиться в ничтожного раба государства и власти. Но все стремятся попытаться счастья. Смешно, не правда ли? Зависеть от удачи и везения, которых вообще не существует... Это вымысел, психологическое отклонение человеческого мозга, подталкивающее несостоявшуюся личность к неминуемому краху. Но люди предпочитают надеяться на удачу — иного не остается. Только фантазии. Бессмысленные. Губительные.

Серый город предстает перед глазами, вызывая такую скуку, что я решаю поиграть, разгадывая спутников, ведущих меня к выходу для вип-персон из аэропорта Хитроу. Картинка уже сложилась в голове. У одного расширенные поры на покрасневшем носу, потрескавшиеся губы, заметно дрожащие руки — мужчина прячет их под моим пристальным взглядом. Пристрастен к алкоголю. Скучно... Второй молод, идеально выбрит, парфюм несколько приторный, форма выглажена и не застирана — новичок. Маникюр, лукавая улыбочка... наверняка гей, чей-то любовник, и это тоже безумно скучно, как все в этом городе, как встречающий меня человек.

— С возвращением, сэр. Ваш рейс задержали...

— Оставь это для моего отца или брата. Просто делай свою скучную работу, — обрываю Декланда. Шофер, доверенное лицо семьи, служащий нам так долго, что, умею я думать нерационально, поверил бы в существование вампиров и прочей нечисти. Но инъекции ботокса, операции, вуалируемые болезнью жены и детей, сохраняют шестидесятилетнего мужчину в достаточно пригодном виде пятидесяти девяти лет.

— Ты только прилетел, а уже не в духе, Эйс. Что тебе не нравится? — Усмехаясь, Декланд поворачивается ко мне, пока машина везет нас в дождливый и унылый город.

— Что может понравиться в задержке рейса, ужасном питании и отсутствии удобств?

— Не тебе высказывать претензии — ты летел на частном самолете, для тебя приготовили специальный ужин, обед и завтрак на всякий случай. И все же недоволен?

— Недоволен, — сухо киваю и отворачиваюсь к окну, демонстрируя нежелание говорить.

— Господи, да улыбнись ты. Два года не был в Лондоне, родные скучали...

— С Молли я виделся в прошлом месяце на каком-то показе в Сиднее. Стэнли слышал чаще, чем хотелось бы. Мать звонила по нескольку раз на дню, а отец успокоился три месяца назад. Так что я не собираюсь улыбаться. Жду, когда смогу спокойно вернуться на работу и заняться делами, а не бессмысленной болтовней. К слову, улыбка — это нервное поражение лицевых мышц. Я, слава богу, контролирую разум. Поэтому подари мне спасительные минуты тишины. Вскоре придется терпеть такой шум, от которого буду вынужден поддаться такой глупой людской особенности, как разговор.

— Мда... Думал, правительственное задание и долгое отсутствие хоть немного тебя изменят, а стало еще хуже. Ты хотя бы сексом занимался?

Закатываю глаза и даже отвечать не желаю, но ведь он не отстанет.

— Секс отвлекает от мыслительного процесса и не позволяет сконцентрироваться на деле. Это развлечение для тех, кто в жизни не имеет ничего более значимого, кроме как опуститься до животных инстинктов и сношаться, — все же произношу я. Не люблю, когда последнее слово не за мной.

— Но благодаря этим инстинктам ты появился на свет, — смеется Декланд, хотя сам уже не в восторге от темы, смущающей его больше, чем хотел бы показать. Скучно.

— К сожалению. И из-за этих инстинктов мне приходится терпеть еще несколько миллиардов людей, хотя я бы предпочел изолировать низший ум от высшего, еще четче разграничив слои общества. Но меня осудили бы и обвинили в предвзятом отношении к беднякам и рабочему классу, хотя именно сословия, стоящие ниже нашего, имеют потенциал. Как подающий надежды пэр Англии я не имею права считать их за людей, а лишь хотел донести то, что зло живет не внизу, оно над нами. Если чего и бояться, то поднебесной, где совершаются самые жестокие вещи, уж я-то о них не понаслышке знаю, наслаждался последние два года. Вот это и есть мой секс, возбуждение и интерес. Теперь тебе стало понятнее, уподобился ли я считающим женщину единственным источником наслаждения?

Во взгляде собеседника сквозит абсолютное непонимание. Вот так всегда. Мой склад ума многим кажется странным, но без него я никогда бы не работал там, где решается судьба человечества, — благодаря мне и «братьям по разуму» сглаживаются международные конфликты. Нас называют по-разному: послы, секретная служба, мафия, наемники. Но все намного проще: мы — часть правительства, мы и есть поднебесная со всей ее грязью. Хотя меня это не волнует. Меня в этом мире вообще мало что волнует, кроме задач, которые ставят мне или я ставлю себе сам. Вот это не скучно.

— То есть женщины у тебя не было.

— Что? При чем здесь женщина? — недоуменно поворачиваюсь к Декланду.

— Мы разговаривали...

— Разговор закончился десять минут назад и уже неинтересен. Я не задерживаю бессмысленную информацию в голове и тебе советую делать то же самое.

— Надеюсь, ты не испортишь праздник...

Его тяжелый вздох раздражает. Так утомляет, когда люди, не получив желаемого, проявляют наигранное разочарование в своих мечтах. Меня это жутко выводит из себя.

— Праздник? — переспрашиваю, а в голове перебираю разговоры с родными за прошедшие два года. Ничего. О празднике никто не упоминал.

— Ты спеся, парень. А для чего, по-твоему, ты сейчас в Лондоне?

— Задание завершено, моя работа теперь здесь.

— И тебе никто не сказал, что Таддеус подал прошение о твоём возвращении? — искренне удивляется Декланд.

— Отец. Можно было догадаться. Ему не понравится, если я стану более значимым для страны, чем он когда-то. И все мною выпестованное он с удовольствием разрушил бы.

На секунду закрываю глаза, дабы побороть недовольство. В понимании отца это нормально: я старший, должен быть рядом с ним, сидеть у его ног комнатной собачкой, а лучше — чучелом, коих он коллекционирует. Да, особой любви я к нему не испытываю, любовь — тоже из разряда отклонений, а у меня их нет. Хотя нежные... Нет, не так: я отчасти уважаю маму и отца, однако вторжение в мою жизнь меня сильно нервирует.

— Парень...

— Мне тридцать четыре, прекрати обращаться ко мне словно к безграмотному малышу, который жизни не видел, — хмуро перебиваю его.

— Ладно, Эйс. Так лучше? — Ехидно улыбается, отчего я закрываю глаза и фыркаю. — Не злись, Таддеус всегда желал тебе только хорошего. Он ни разу не обвинил тебя в том, чем ты занимаешься и как живешь, хотя причин было достаточно. Ты одинок и полностью сосредоточен на работе, это губительно. Прекращай наговаривать на отца, будь мягче — у него юбилей, пятьдесят лет, и он желает видеть любимого сына, свою гордость и надежду, рядом с собой в кругу семьи и друзей. К тому же он впервые за последние месяцы покажется на людях.

— С каких пор отец не демонстрирует свое богатство и власть на глупых приемах?

— С тех пор как ушел в отставку.

— Что? Он не мог! Для него работа — все, это я с детства выучил. Он даже мать так не любил, как работу. И я пошел по его стопам, потому что этого хотел он, лишь выбрал другой отдел, чтобы не сталкиваться каждый день.

— Он решил отдохнуть. Поэтому тебя и вернули. Когда пролетает полжизни, понимаешь, что потерял самое ценное. Семью. Думаю, и праздник он организовал, чтобы воссоединиться и уделить больше времени вам, своим детям.

Скептически смотрю на Декланда и не верю. Видимых признаков вранья нет, но я чувствую подвох. Возможно, отец что-то задумал. Обманул друга, коим считал сидящего рядом со мной мужчину, чтобы тот не выказал ложь, ведь я легко вычисляю, говорит человек правду или нет. И сейчас Декланд совершенно искренен.

— И это должно меня тронуть? — Недоуменно изгибаю бровь, рассматривая попутчика.

— Если у тебя есть сердце, то да.

— Насколько знаю, обо мне говорят другое. Я жестокий, наглый и скучный зануда. Во мне нет ничего человеческого, как и души. Так что предпочту отправиться в свой дом, а не к отцу, который вдруг решил все бросить и уйти в отставку. Хотя это все игра на публику. Такой человек, как он, никогда не оставит пост просто так, особенно с его уровнем власти и многочисленными заслугами перед королевой.

— Откуда столько неприязни, Эйс? За что? — недоумевает Декланд.

— При чем здесь неприязнь? Отец показал мне, что одиночество — лучшее проявление сочувствия к окружающим, за это я испытываю к нему уважение. И скажи, чтобы развернули машину. Праздник завтра, насколько помню, день рождения отца третьего октября, а сегодня второе. — Я легко разгадал план Декланда, но следовать ему не желаю.

— Нет, мы едем на предпраздничный банкет в вашем загородном доме, где ты остановишься. Это приказ отца, Эйс. Прости, но тебе придется встретиться с семьей раньше. Это не обсуждается. — Декланд делает паузу, словно позволяя вставить слово, но вдруг поднимает руку и зажимает мне рот. — И даже не думай запутать меня заумными фразами. Ты едешь домой. — С силой отбрасываю его ладонь и кривлюсь, стирая чужое прикосновение. — Это была вынужденная мера. Я уже стар и не могу слушать тебя с тем же наигранным восхищением, как раньше, — добавляет Декланд, наблюдая, как я вытираю губы рукавом пальто.

— С каких пор ты стал сторонником насилия?

— С тех пор как ты не оставил мне выбора. А сейчас приготовься, мы подъезжаем.

Нет. Не хочу. Возвращение в родительский дом, в котором провел больше восемнадцати лет, подобно аду. Я избегаю увеселительных мероприятий, общения. И людей, они глупы и прозаичны. Избегаю всего, что принято любить. Не знаю, откуда во мне столько недовольства ситуацией, в которую позволил себя загнать, но... Не хочу, и точка! Да, это больше подходит избалованному малышу, коим себя не помню. Из-за сильного нежелания в моем разуме может произойти сбой, и я сотворю что-то очень жестокое и безнравственное. Хотя обычно так и делаю, но это превысит опасения Декланда.

Не могу подтвердить наличие страха как эмоциональной стороны восприятия, сужающей все до маленькой точки перевернутой призмы реальности. Но уверен в существовании отторжения происходящего, вызванного отвращением к нежелаемому, — так бы я описал насильственное принуждение быть человеком.

— Пять машин перед домом, еще несколько в гараже. Вместе с нами здесь как минимум человек сорок пять. Это не просто предпраздничный ужин. Родители никогда не пускали в поместье столько народа, — монотонно замечаю, поднимая ворот пальто. На ресницы падают капли. Хорошо. Дождь холодный, это я люблю. Хотя бы что-то мне нравится.

— За ужином будет сорок шесть человек. Мы с тобой идем как пара. — Улыбка Декланда вызывает недовольное фырканье. Я никогда не ошибаюсь. Никогда. Здесь не может быть сорока шести человек. Сорок пять.

Пять машин. В первой...

— Подожди, ты сказал, мы пара? — Когда до меня доходит смысл, поворачиваюсь к спутнику, расправившему черный зонт над нами.

— Я сегодня без супруги, она поехала в Манчестер помочь с нашим первым внуком. Ты как обычно один. Выходит, мы с тобой пара, — кивает он, считая, что это очень остроумно.

— Я не против меньшинств, но лучше быть нечетным гостем, чем парой престарелому маразматiku.

— Эйс, это оскорбление, — цокает Декланд.

— Это констатация. Ты дотошен и обожаешь симметрию. Носишь два обручальных кольца, потому что одно, по твоему мнению, скучает без двойника на другом пальце. Не даришь ничего без пары, и даже эта малость — свидетельство одной из разновидностей маразма, поражающего людей, доживших до шестидесяти. Порой и раньше.

Мы останавливаемся у дверей, которые моментально распахиваются, и жуткий шум, невыносимая вонь смешавшихся ароматов еды, алкоголя, парфюмерии и спертого воздуха наполняют меня до тошноты.

— А теперь слушай меня, Эйс. Не порть вечер и отношения с семьей. Они ждали тебя, нервничают и волнуются, потому что у них много новостей. Будь хорошим параноиком, не оскорбляй людей, не анализируй, лучше вообще не думай и не показывай своего уникального восприятия этого мира. Все ясно? — Закончив тираду, он приближается ко мне. Но его роста маловато, чтобы нависнуть надо мной тенью и хотя бы немного напугать. И это вызывает лишь сочувствие. Столько усилий, чтобы я не был самым собой.

— У меня грандиозная идея. Я сейчас развернусь, сяду в машину и поеду в свой дом, где никто не жаждет разговоров со мной, и наконец-то займусь делом, — предлагаю спокойно.

— С годами ты все больше меня раздражаешь. Когда-то я защищал тебя и выгораживал, но не сегодня. Живо в зал и улыбайся. Боже, прекрати скалиться, так тебя за маньяка примут. Ладно, бог с ней, с улыбкой, просто... Эйс, будь терпим к своим родителям. Пожалуйста, ради меня. — Меня передергивает от его жалобного тона — свидетельства паники и опасения разрушить картину идеального праздника.

— Буду молчать.

— Сойдет, — соглашается он и машет рукой в сторону освещенного входа.

Дом. Что это вообще такое? Место, куда возвращаешься после работы, где тепло и уютно? Место, где ты провел детство? Не знаю. У меня нет дома, предпочитаю всегда двигаться, хотя владею недвижимостью. Но дом — для меня слишком громко сказано. Я не испытываю ни радости, ни счастья, не имею возвышенных грез, не строю планов создания семьи. Ну и зачем мне дом?

Викторианский стиль поместья, передающегося по наследству первенцам нашего рода, утомляет. Это же так скучно — из года в год,

из столетия в столетие жить в одном и том же месте, ничего не изменяя и даже этим гордясь. Лестницей, которую какой-то предок строил сам, а другой на ворованные деньги украсил перламутром и золотом. Огромными люстрами, украшающими высокие расписанные потолки. Гулкими залами и спальнями на втором этаже, пыльной башней, где валяется барахло. Неужели у кого-то все это вызывает восхищение?!

— Эйс, братик! Ты прилетел!

Легкий вихрь по имени Молли обхватывает мою шею, обдавая сладким ароматом духов, от которого выступают удушливые слезы на глазах, оставляет на щеке влажный поцелуй, липкий, противный, вызывающий отвращение. Ненавижу помаду, блеск для губ и другие женские ухищрения, пачкающие кожу.

— Кажется, он обескуражен платьем, которое сейчас на тебе треснет. Привет, брат!

Не успеваю отойти от объятий младшей сестры, как моя рука оказывается в плену у другого родственника. Он притягивает меня и хлопает по спине. Да что же это такое! Я что, вещь, которую можно тягать из стороны в сторону ради телячьих нежностей? Ненавижу. Вот одна из главных причин, почему я не присутствую на праздниках.

Едва меня выпускают из рук, на всякий случай делаю шаг назад и достаю из пиджака платок, чтобы стереть след от поцелуя Молли.

— На сегодня с меня достаточно приветствий, — бубню под нос, оглядывая сестру.

Слишком много косметики, снова проблемы с кожей. Очередная инъекция в губы, для того и блеск, чтобы скрыть гематомы. Обтягивающее платье в пол синего цвета подчеркивает голубые глаза, унаследованные от матери всеми ее детьми. Светлые пшеничные волосы — покрасила недавно, чтобы походить на мать, которой доставляет удовольствие видеть свое молодое отражение в дочери. Значит, Молли хочет что-то попросить или же натворила нечто, вызвавшее приступ ярости, и теперь заглаживает вину. Высокие каблуки, скрытые подолом платья, вынуждают сестру переминаться с ноги на ногу. Неудобные, но красота требует жертв. Глупо.

— Мы не думали, что ты все же появишься, — знакомый голос раздается слева. Закатываю глаза и резко оборачиваюсь. Темно-серые глаза искрятся весельем, полноватые губы растянуты в озорной улыбке, которая не идет моему ровеснику кузену. Подсел на алкоголь, курит, ведет беспорядочный образ жизни. Так прозаично...

— Ларк, выглядишь ужасно, переходи на легкие, — отвечаю ему, слегка кивая.

— Как всегда умеешь сделать комплимент, — смехом отзывается он.

— Ни капли не изменился, да? — Молли дергает меня за рукав, желая обратить на себя внимание. Конечно, надо же продемонстрировать, что сделал с ней косметолог.

— А должен был?

— Хотя б немного. Та же форма. Качаешься? А я забросил, времени не хватает. Но ты, знаменитый Эйс Рассел, не можешь выглядеть иначе. Всегда идеален и прямолинеен. — Насмешка в голосе Стэнли явно демонстрирует зависть, ведь он набрал три фунта с того момента, как я видел его в последний раз. Две недели назад.

— Мне вот интересно, вы оба могли сообщить мне, что отец ушел в отставку, и предупредить об этом ужасном мероприятии, но не сделали этого. По какой причине? — спрашиваю брата и сестру. Они переглядываются и улыбаются мне, собираясь солгать.

— Не мы должны были говорить об этом, а папа. И как тебе Лондон? — Молли меняет тему, они явно скрывают что-то еще.

— Безумно скучно, присутствующие раздражают. Не принимайте на свой счет, вас я давно вычеркнул из списка развлечений, хотя вы не перестаете быть родственниками.

— Да ты сегодня сама вежливость, Эйс, — хмыкает Ларк, пригладив темные волосы.

— Это его нормальное состояние. Итак, ты вернулся, задание выполнено. Чем теперь займешься? — интересуется Стэнли, пока я оглядываю гостей. Ничего не изменилось, тот же состав, те же лица, тот же напыщенный лоск.

— Моя работа никогда не закончится. Пока существует парламент, всегда найдется, чем заняться. Как долго это будет продолжаться? — Указываю на заполненный людьми зал.

— Долго, Эйс, ты попал в эпицентр личного ада, — пытается поддеть меня Ларк. Поддел бы, будь я обычным человеком с комплексами и заниженной самооценкой.

— Тогда дождусь дьявола, или как там его называют, и начну пир.

— Боже, мальчики, сегодня праздник, хватит сравнивать его с преисподней. Это же так здорово, что мы все здесь и можем, как раньше, собираться дома. Разве вы не рады? — весело произносит Молли.

— До смерти счастлив. — Мой ответ вызывает смех у брата и кузена, а сестра пытается пристыдить взглядом.

Все же она хорошая девочка, милая, яркая, и надо бы сказать, что эти губы ей не идут, но... Нет, пусть это сделает кто-то другой. Возможно, моя двадцатитрехлетняя сестра вызывает у меня более теплые чувства, чем другие. Я ее воспитывал, благодаря мне она знает алфавит и латынь. Стэнли всегда был оболтусом, увлеченным примитивным наслаждением благами жизни. Он младше меня всего на пять лет, но

до сих пор живет с родителями и не работает. Прожигатель жизни, как называют подобных людей. Скучно.

— Наконец-то отец появился. Я голоден, мы ждали его дольше, чем тебя. Наверное, все никак не мог выбрать костюм, — сообщает брат, и я поворачиваю голову, расчищая взглядом толпу, окружающую моего родителя.

Что-то не так. Нет, не может быть...

— Кто эта женщина? — недовольно спрашиваю.

— Где? — удивляется Молли.

— Рядом с отцом, он держит ее за руку, и она явно не наша мать, — цежу сквозь зубы.

Гости отходят, и теперь можно рассмотреть высокую статную темноволосую незнакомку в черном классическом платье в пол с открытыми плечами. Ее смоляные волосы уложены элегантными волнами, пронзительно синие глаза сверкают подобно алмазам. Идеальное пропорциональное лицо, скорее всего благодаря пластической хирургии. Загорелая, словно она живет под солнцем. Выразительные губы, подведенные темно-вишневой помадой, чуть улыбаются, будто делая одолжение стоящим вокруг смертным. Что это, черт возьми, за женщина?

— Оу, она... — Молли кусает губу и бросает нервный взгляд на Стэнли.

— Она, она. Не заикайся. Кто она? И почему отец ее обнимает? Где мама? — Раздражение, в которое меня приводит сорок шестой человек на этом вечере, вплетает в мой голос грубые стальные ноты.

— Вы не сказали ему? — удивляется Ларк.

— Так, если вы сейчас же мне не ответите внятно, что за объект демонстрирует всем свои скудные умственные способности глубоким декольте и годится в дочери нашему отцу, я совершу кое-что ужасное, — рычу, неотрывно следя за черноволосой женщиной, грациозно кивающей кому-то из гостей.

— Это Бланш Фокс. И она... любовница отца, — выдавливает Стэнли.

Удар под дых. Всякое мог предположить, но не то, каким подонком окажется отец. Любовница. Как такое возможно? Почему я не предвидел этого? Меня срочно отправили на задание в Америку, затем были Канада, Австралия, практически все страны Европы и снова Америка. Держали подальше от дома, уверенные, что я не пожелаю возвращаться, бросать интересную работу. И все это дало возможность прикрывать интрижку отца. Я сказал «интрижку»? Нет! Это катастрофа!

— Я, кажется, ослышался, хотя это невозможно, но повтори еще раз, — шиплю, поворачиваясь к брату.

— Отец с ней встречается уже три месяца, он влюблен в нее...

— Три месяца, — повторяю, и чертов разум дает сбой. Он не в силах собрать цепочку воедино, и я задыхаюсь.

— Эйс, родители развелись и разъехались два месяца назад. Отец уволился, потому что испугался осуждения со стороны коллег. Он счастлив, как и мама. Отец ее полностью обеспечивает, купил дом в Лондоне. Мама сама тебе все расскажет, но она опаздывает. Обещала приехать вовремя, чтобы предотвратить этот разговор. Прости, но мне запретили волновать тебя и срывать с работы, — тихо бормочет Молли.

Она боится меня, я сам себя боюсь, ведь в моем понимании развода не должно было случиться. Не в моей семье, на другие плевать, но моя семья — это иное. Конечно, я знал, что родители давно не питают друг к другу нежных чувств, живут рядом больше по привычке, да и отец никогда не демонстрировал отношений на людях, но сейчас...

— Эйс, они идут к нам, и ты должен знать еще кое-что, — меня разворачивает к себе Ларк. И он был в курсе? Вот же сволочи! — Бланш Фокс — одна из самых дорогих шлюх в Британии. Мне раз двадцать отказала в услугах. Она выбирает мужчин, похожих на твоего отца, очень богатых. Говорят, она виртуозная любовница, и, чтобы добиться ее внимания, некоторые совершают неразумные поступки, двое даже покончили с собой. Она акула, безумно красивая и чувственная. Твой отец влюблен, и на сегодня он ее клиент номер один.

Я улавливаю в его тоне нервозность, панику и другие эмоции, которые излучают и брат с сестрой. Но не чувствую ничего, что творится внутри меня. Я оглох. Вода... Не могу вздохнуть, потому что ей наполнены легкие. Она заливает уши и глаза, пока перед ними мелькают картинки из прошлого, где все встает на свои места.

Меня отправили, чтобы не помешал отцу предать мать. Намеренно отстранили от семьи, позволив этой женщине разрушить единственное, что могло мне помочь. А теперь я тону и не выживу, если сейчас же что-то не предприму.

— Эйс, она хорошая. Я знаю ее, Бланш очень милая, и маме она тоже нравится. Пожалуйста, Эйс, моргни хотя бы. Они уже близко, не натвори ничего. Я сейчас расплачусь или в обморок упаду, мне так страшно, брат, очень страшно. — Молли тянет меня за рукав, и я перевожу взгляд. Ее трясет. Она на грани истерики и может лишиться чувств от переживаний. А внутри меня тишина. Сестра выглядит как в детстве, когда малышка, боявшаяся лошадей, не хотела учиться конному спорту, а ее заставляли, и Молли умоляла меня спасти. И в эту минуту происходит то же самое.

— Может быть, лучше увести его? Скажем, что у него голова разболелась, — Ларк обращается к бледному Стэнли.

— Не успеем, минута.

— Все хорошо, — хриплю я.

— Надо что-то придумать, он невменяем. Посмотри на него. В последний раз, когда он так выглядел, было плохо, очень плохо.

— Я сказал, со мной все хорошо. Мне нужно время, чтобы принять информацию, которую вы мне сообщили, утаив ранее и предав мое доверие. Мне требуется чертовое время, чтобы распланировать действия и выставить за дверь эту женщину. Время. Но его нет. Три, два, один... Здравствуй, папа, выглядишь, словно тебя лошадь пережевала и выплюнула нам под ноги.

Поворачиваюсь к приблизившейся паре. Мой взгляд встречается с другим, наглым, сочным и противным.

Ну что, я жаловался на скуку, верно? Так вот, теперь мне не скучно.

Глава 2

Кто эта женщина?

В девяноста шести процентах я с первого взгляда могу угадать, кем является человек напротив. К четырем процентам относятся те, кто мне еще не попадался. Но не в этом случае. За несколько секунд, пока окружающие переваривают мою фразу и ищут способ достойно выйти из положения, я должен понять, кто эта чертова незнакомка.

Она не красит волосы, цвет натуральный, живой, а не как у пластовой куклы. Хорошее зрение, идеальная кожа, значит, здоровье тоже на уровне. Она следит за собой: спортзал, правильное питание, никаких вредных привычек, кроме одной — проституции. Это огромный минус, хотя наш мир полон дешевых шлюх, готовых продаться даже за обещания. Поэтому это спорно, но все же я склоняюсь к минусу, поскольку она — враг. У меня не было врагов, а она им становится за считанные секунды.

Чем она занимается помимо обмена тела на деньги?

— Эйс, я рад, что ты в приподнятом настроении. Такой комплимент... — Веселый голос отца прерывает ход мыслей, но я продолжаю смотреть на женщину. Сестра смеется, нервно и странно, как обычно бывает, когда человек хочет спрятать свой стыд, а вот она... Она легко поддерживает Молли, и мягкий смех наполняет мое сознание.

Хорошие зубы, ни одной пломбы. Я это вижу, не могу объяснить как, но вижу. И все. Это ужасно. Это придает неподвластный импульс бесконтрольному интересу. И именно это может стать фатальным для многих, особенно для тех, кого не желал бы затронуть. Но я не могу больше ничего угадать, ее глаза молчаливы, слишком молчаливы, словно она не живая, и в то же время от нее исходит тепло. Обжигающее тепло.